

Письмо Прудона - Герцену от 23 июля 1855 г.

Rue d'Enfer, 83, Париж, 23 июля 1855.

Письмо ваше от 14 было мне передано только 18 и именно в такую минуту, когда я был завален работой и делами. Отвечать прежде мне было невозможно.

Пользуюсь небольшим досугом, чтоб сердечно поблагодарить вас, что вы не забыли меня, предпринимая ваше «Русское обозрение». Наше воззрение, я думаю, сходно; мы связаны круговой порукой, у нас общие надежды и те же упования. С края на край Европы та же мысль, как молния, освещает все свободные сердца. Не говоря друг с другом, не переписываясь, хотим мы того или не хотим, – мы сотрудники друг друга. Я не могу теперь написать вам статьи, но чего нельзя сегодня, то можно завтра, и во всяком случае, живой или мертвый, я хочу быть одним из титулярных (honoraire) редакторов «Русской звезды»[708].

Наше положение ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротив, смотрю на управляемых. Не следует ли прежде, чем нападать на деспотизм притеснителей, напасть на деспотизм освободителей? Видали ли вы что-нибудь ближе подходящее к тирании, чем народные трибуны, и не казалась ли вам иной раз нетерпимость мучеников так же отвратительной, как бешенство их гонителей? Деспотизм оттого так трудно сокрушить, что он опирается на внутреннее чувство своих антагонистов, я должен бы сказать – своих соперников, так что писатель, действительно любящий свободу, истинный друг революции, часто не знает, в которую сторону ему направлять свои удары, в скопище ли утеснителей или в недобросовестность утесненных.

Верите ли вы, например, что русское самодержавие произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нет ли у него сокровенных оснований, тайных корней в самом сердце русского народа? Я спрашиваю вас – как одного из самых откровенных людей, которых я знал, – неужели вы не приходили в негодование, в отчаяние от притворства, от махиавеллизма тех, которых так или иначе европейская демократия признает или выносит своими главами? Не надо распадаться перед неприятелем – скажете вы; но, любезный Герцен, что страшнее для свободы – распадение или измена?

То, что я вижу на Западе, дает мне право предположить о том, что будет на Востоке, которого я не знаю; люди всё те же под всеми меридианами. Я четыре года смотрю, как вслед за гибельным примером какое-то бешенство деспотизма охватило все души; как презрение масс, вчера объявляемых самодержавными, почти боготворимых, сделалось общим мнением; как люди, у которых свобода была девизом, ругаются теперь над ней; как

социальная революция была осмеяна, посвящена смерти – лицемерами, которые со дня ее рождения поклонялись ей. Знаете ли вы, наконец, на ком хотят эти побежденные вчерашнего дня выместить горе своей неудачи? – На тирании, на привилегиях, на суеверии? Нет, на народе (la plèbe), на философии, на революции...

Speramini, popule meus![709] Какое же общение возможно с ними? Сделаемте союз, как Бертран дю Гесклин и Оливье де Клиссон, за свободу quand même[710], против всех живых и мертвых. Будем поддерживать дело освобождения, откуда бы оно ни шло и каким бы образом оно ни являлось, и будем без пощады сражаться против предрассудков, хотя бы мы их и встречали у наших единомышленников и братьев. Если газеты говорят правду, то Александр II собирается возратить Польше долю ее прав[711], как будто исполняя программу вашу, любезный Герцен, и это в то время, как Запад воюет против него и против революции за Турцию. Кому же дать пальму? Английской ли аристократии, которая с высоты свободной трибуны всенародно отзывается с презрением о Венгрии и Польше, или царю, начинающему восстановление Польши? Римскому ли понтифу, проклинающему восстание Польши, или еретическому царю, зовущему ее на жизнь?

Снова будто с Востока занимается свобода, с Востока варварского, из этой родины рабов, кочующих дикарей отсвечивает на нас нравственная жизнь его, убитая на Западе эгоизмом мещан и нелепостью якобинцев: отсвечивает на нас в то время, как грубый материализм нас пожирает больше чумы и картечи; наше несчастное войско и народ русский увлекаются в бой благородными чувствами народности, религии, ненавистью к варварству и, может, надеждой на свободу, обещанную царем.

История полна этих противуречий.

Принесут ли наши солдаты, храбрые в опасности, герои перед смертью, – принесут ли они с собой заразу благородных чувств и широких помыслов? Не знаю. От Запада они отрезаны механизмом дисциплины; казарменный дух, жалкая страсть отличий их очень забили – может, они придут так, как пошли солдатами папы и императора, Рима и 2 декабря.

Но чего не сделает «пушечное мясо», то сумеет сделать перо писателя. С берегов Черной, Днепра, Вислы – мысль о свободе придет пристыдить старую революционную весь. Она вызовет воспоминания 14 июля, 10 августа, 31 мая, 1830, 1848. Тогда мир узнает, может ли Франция, победоносная в Крыму (это предположение я поневоле должен сделать для моих суетных соотечественников), еще держать скипетр образования и прогресса...

Прощайте, любезный друг. Сохраните себя неприкосновенным и чистым в наших передрягах, это мое единственное желание вам, пусть оно будет залогом вашего успеха.

П. Ж. Прудон

Примечания:

'08. Отрывок из этого письма был напечатан в I кн. «Полярной звезды».

'09. Надейся, народ мой! (лат.). – Ред.

'10. вопреки всему (франц.). – Ред.

'11. Тогдашние слухи!

Версия #2

Зверобой создал 24 марта 2025 05:35:30

Зверобой обновил 24 марта 2025 06:44:34